

◆ **Спрашивайте — отвечаем**

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ: ПРЕЗИДЕНТ И ЧЕЛОВЕК

«Знаю, — пишет в редакцию из Кургана В. Матверов, — что недавно, в ноябре, исполнилось 100 лет со дня рождения генерала де Голля. Вышла ли какая-нибудь литература к юбилею, ведь и для нас, особенно сейчас, в перестройку, интересен опыт руководства государством этого крупного политического деятеля, который, вернувшись к власти в кризисный период, возродил Францию и направил по пути, которым она следует и по сей день».

По сведениям Института всеобщей истории АН СССР, во Франции, в ряде стран Европы, Америки и Азии выпущены книги, посвященные Шарлю де Голлю, его жизни и деятельности. В СССР подготовлены издания, о которых в беседе с корреспондентом «КО» рассказывают их авторы и редакторы.

Зинаида БЕЛОУСОВА,
доктор исторических наук:

— В издательстве «Наука» увидел свет специальный выпуск «ФРАНЦУЗСКОГО ЕЖЕГОДНИКА», заместителем главного редактора которого я являюсь. Он включает два значительных фрагмента произведений самого президента, впервые публикуемые на русском языке, воспоминания о нем, исследования о его деятельности и голлистском движении.

Первый фрагмент взят из «Спасения» — третьего тома «Военных мемуаров» де Голля (первые два тома «Призыв» и «Единство» были у нас выпущены в 1957 и 1960 годах). Автор написал о своей встрече с И.В. Сталиным в Москве в декабре 1944 года.

Второй фрагмент является отрывком из «Возрождения» — первого тома книги «Воспоминаний президента» Мемуары надежды». Здесь рассказывается о переговорах Шарля де Голля с Н.С. Хрущевым во время визита того во Францию в 1960 году.

Марина АРЗАКАНЯН,

кандидат исторических наук:
— Мою работу «ДЕ ГОЛЛЬ И ГОЛЛИСТЫ НА ПУТИ К ВЛАСТИ» издала «Высшая школа» в своей серии «Библиотека историка». Я сделала попытку раскрыть злобные моменты в истории голлистского движения со всеми его крутыми поворотами, взлетами и падениями, ожиданиями и тревогами.

Опираюсь на новейшую литературу. Так, недавно сенатор и адмирал Филип де Голль закончил публикацию «Писем, дневников и записок» отца в 12 томах.

Татьяна ИСАКОВА,

редактор издательства «Книга»:

— У нас только что вышла книга В.И. Антохиной-Московченко «ДЕ ГОЛЛЬ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ». Она открыла новую серию нашего издательства «Политический портрет» и будет интересна широкому читателю. Ее по праву можно назвать важным, научно обоснованным, фундаментальным исследованием на такую специальную тему.

Вера Антохина-Московченко — доктор исторических наук, профессор МГИМО, заслуженный деятель науки РСФСР, ученица всемирно известного советского историка Евгения Тарле — работала некоторое время в Институте Шарля де Голля в Париже. Ей принадлежат первая в СССР политическая биография де Голля, вступительная статья и научная редакция перевода с французского первого тома его «Военных мемуаров».

Новая монография дает всесторонний анализ больших исторических периодов во взаимоотношениях двух дочерей Европы — России и Франции.

Беседовал
А.ШАХМАТОВ.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ АУТОДАФЕ

В один нежданный день в телефоне неожиданно раздался опечаленный голос Ольги Германовны Родиной, директора библиотеки в Тимирязевском районе, где я была членом библиотечного совета: «Приходите на уничтожение путем сожжения книг Виктора...».

Я ахнула: «уничтожение путем сожжения!».. Кто же? Виктора Некрасова! Вики, знакомого мне с отроческих лет!

Да и как прозвучало это! Словно слова из какого-то средневековья: «казнь через повешение», «казнь через отсечение головы», «уничтожение путем сожжения»...

Я пошла на это современное аутодафе, увидела сложенные в печальную грудку книги: «В окопах Сталинграда», «В родном городе», томик рассказов и очерков Виктора Платоновича Некрасова...

Однако аутодафе осуществить было невозможно: по теплоту времени котельная не работала, а разводить костры на площадях нынешние инквизиторы не собирались: они привыкли еще со сталинских времен убивать тай-

принято писать «буржуазные». Такое определение придает им некий классовый характер. На самом же деле никакой политической скауты не занимались. Конечно, в их отрядах были преимущественно дети городской интеллигенции: инженеров, учителей, врачей. К примеру, мать Виктора Некрасова Зинаида Николаевна была врачом, но одновременно была и революционеркой, доброй знакомой А. В. Луначарского. «Законы скаутов» — их было десять — ни о какой политике (даже революционной) не упоминали. Они гласили: честь, правдивость, братство, чистота, целомудрие. Как видите, правила включали в себя благородные нравственные понятия. Огромное значение придавалось физической закалке и спорту: зарядка, состязания, дальние походы с мячами, палатками, рюкзаками, копьями. Тренировались в умении зажечь костер одной спичкой, раскинуть лагерь, готовить пищу. Знаменитая потом песня пионеров «Картошка» была ими перенята от скаутов: «Бум, картошка, бум, картошка!» — пели мы, поедая у дымного костра испеченные в теплом пепле потемневшие клубни...

Пионеры же стали наследни-

Вика, — затаились травой, остались лишь в памяти.

Виктор Некрасов поступил на архитектурный факультет Киевского строительного института, увлекся в эти же годы театром, занимался в студии, ездил после института с театральными группами по стране, я стала студенткой университета, потом учительствовала в киевских школах. Дорожки наши разошлись, и следующие встречи — заочные и очные — происходили уже после войны, на которой Вика, благодаря строительной специальности, стал отважным сапером...

От скаутского детства он на всю жизнь сохранил спортивную фигуру и изящную небрежность в одежде: помню его юного в парусиновых талочках на босу ногу, в полотняной рубашке без галстука. Он так и не привык к воротничкам и галстукам, ненавидел всякую мешанскую приверженность к модному щегольству. Да и то сказать: в отрицании мешанства наши скауты ничуть не уступали первым комсомольцам: помада, пудра, флирт беспощадно осуждались, поощрялись простота и товарищеская доверительность поведения.

Страницы будущих книг

Ирина БОШКО

СТЕЖКИ — ДОРОЖКИ,

но. Велено было за отсутствием условий для сожжения разорвать книги в клочки. Перед этой операцией — я содрогнулась и от нее — Ольга Германовна тихо мне шепнула: «Отберите для себя наиболее ценное...». Я быстренько воровским жестом упрятала в сумку книги Виктора и удалилась, довольная, что смогла их спасти от «уничтожения» путем сожжения или разрывания... В первую очередь, конечно, «В окопах Сталинграда» и «В родном городе». «В родном городе» — это в нашем с ним Киве, в каштановом, зеленом, белом, где прошло отрочество и Виктора Некрасова, и мое.

КАК МЫ БЫЛИ СКАУТАМИ

В середине 20-х годов в Киве открылись две профшколы — их создателем и руководителем был мой отец Владимир Ильич Бошко, профессор Киевского университета. Его за высокий рост и представительность киевляне прозвали «Петром Великим». Это были первые такие школы в Киве да и во всей стране в те времена. Одна из них, профтехшкола, в которой училась я, готовила кадры для железнодорожного хозяйства, другая, в нее входил Вика Некрасов, была чем-то вроде строительного техникума.

Отец собрал прекрасных педагогов, профессоров, крупнейших специалистов. Например, лекции по мостам и искусственным сооружениям читал будущий академик Е. О. Патон, чьим именем впоследствии был назван мост через Днепр, построенный по его методу. Физику, химию и основы материального снабжения преподавал видный ученый Е. В. Караводин. Работало там много и других наставников, чьи имена будут упомянуты в дни семидесятилетия этих школ, основанных летом 1920 года. Не только их преподаватели, но и выпускники прославили эти школы, став гордостью всеобщей и украинской культуры. Но не одна лишь общая школа сводила нас с Виктором. Сейчас мало кто знает, что в свое время в Киве существовали юношеские организации скаутов. Мальчиков звали бойскауты, девочек — герлскауты. Вели они свое происхождение от первых скаутских отрядов, возникших в России и на Украине под влиянием английского скаутского движения еще в самом начале века.

Не скажу, чтобы их жаловали. Об этих организациях стало

ками и лозунга «Будь готов!», который звучал в гимне скаутов:

**Будь готов, разведчик,
к делу честному,
Трудный путь лежит
перед тобой.
Глянь же смело в очи
неизвестному,
Будь готов, разведчик,
будь готов!
Помогай больному
и несчастному,
К погибающим спешу на зов.
Ко всему большому
и прекрасному
Будь готов, разведчик,
будь готов!**

Для нас уже почти легендарными были имена старших российских скаутов, звеньевых Коли Грюнера, Коли Свенсона... Сохранились ли они к 1925 году? Вика Некрасов их иногда вспоминал с большой теплотой. Отряды скаутов назывались по спортивным устремлениям. Я, например, была в отряде «Кенгуру»: мы лучше всех прыгали. На нашей Ботанической улице был отряд «Бобры», куда входили братья Черныши, моя подруга Тося Башкирова и другие. Сборный пункт отрядов был у дома Грушевского на Никольско-Ботанической, где росла огромная старая осина, с вырезанным на коре словом «Выдра». Так называлось одно из звеньев, а его звеньевой Воля Гордевич жил как раз в доме напротив памятной осины. Собираясь на рассвете, наши отряды шли в походы на Наталку — место впадения Десны в Днепр, на берега самой Десны, на дальнюю тогда киевскую окраину — Сырец, близ которой находился Бабий Яр, еще не ведающий о своей грядущей страшной участи...

В середине двадцатых годов скаутские отряды прекратили свое существование. К этому времени появились организации комсомольцев и пионеров, где идеология и политика были на первом месте, а нравственные законы и спорт оставались на втором плане. Молодежь активно вовлекалась в борьбу за коммунистические идеалы, за пролетарскую классовую мораль — и на этом фоне скаутов несложно было объявить «буржуями» или кем-то там еще... Произошло это тогда, когда Виктор уже кончал строительный техникум, а я — профтехшколу. Скаутские дорожки, по которым мы начали бродить еще раньше — до техникума, во время учебы в школе — бывшей гимназии Науменко, где учился

КИЕВ ВРЕМЕН БУЛГАКОВА

Тогдашний Киев хранил следы замечательных людей, еще при жизни ставших легендарными. Школу, где я училась до поступления в профтехникум, бывшую Фундуклевскую гимназию, окончила в 1907 году Анна Ахматова. Она и жила совсем недалеко от меня — на Паньковской улице — до 1910 года, когда женившийся на ней Гумилев увез ее в Петербург. Помните: «Из города Киева, из логова змиева я вывез жену-колдунью?»

Осип Манделштам, чей брак тоже в Киве был отмечен оловянными кольцами на пальцах молодых супругов, очень любил этот город, вспоминал Крещатик, каким он был до войны, не превращенный еще в расписной пряник помпезной застройкой сталинских послевоенных проектов.

Киев времен нашего с Некрасовым ученичества был уютным, зеленым, запущенным и очаровательным, и отнюдь не столичным городом — столица Украины тогда размещалась в Харькове.

А на киевском Крещатике тогда размещались не казенные учреждения, а магазины, кондитерские, кинотеатры. Хотя и воспитанные в строгих скаутских правилах, и Вика, и я, и все наши сверстники любили забегать в знаменитые киевские кондитерские Абрикосова и Семадени — там подавали неописуемо вкусные засахаренные орехи, тянучки розового и коричневого цвета, чудесные сладости, самую память о которых смели последующие годы... А кино? Какой был восторг — удрать с урока или с лекции и бежать на Крещатик, с его двумя кинотеатрами. Один назывался «Корсо», в нем шли приключенческие фильмы с участием Дугласа Фербенкса и его подруги Мери Пикфорд, сияющей своей ослепительной улыбкой... В другом — он по имени прежнего владельца в просторечии все еще назывался «кино Шанцера» — в фойе стояли красные бархатные диваны и пальмы в кадках, а на экране шли зарубежные мелодрамы и комедии. К примеру, «Индийская гробница», но не та, послевоенная, трофейная, а первая, ранняя, немая, с Конрадом Вейдтом и Лией да Пути, киноленты с неулыбающимися Бестером Китомом...

Перебежи по Крещатику между кондитерскими и кино —

любимейшее наше развлечение. А вечерами пробирались в бывший Царский, а ныне Первомайский сад над Днепром, к Владимирской горке, откуда шел фуникулер вниз, к пристаням Подола. В летние дни, оседающая и грозя зачерпнуть воды, лодки с Подола перевозили нас на Труханов остров, на пляж, в царство гибких лоз, камышей, золотистого песка...

Вел к Подолу и увенчанный расстреливаемой церковью Андреевский спуск, здесь, в доме № 13, жила семья Булгаковых. Именно об этом доме позже, уже в шестидесятых, расскажет Виктор Некрасов в нашумевшем очерке «Дом Турбиных», напечатанном в «Новом мире».

А в конце тридцатых, выбрав каждый свою стежку, мы с Викой встречались очень редко, как-то на бегу, перебросимся словечком — и дальше, по своим делам... Потом была война.

Во время войны я жила в Самарканде, потом вернулась в Москву, куда переехала перед самой войной. В Москве я впервые и прочитала «В окопах Сталинграда», а через несколько лет — «В родном городе». Я следила за судьбой моего бывшего товарища по школе и скаутским походам из почти-того далека: успех первой книги, Сталинская премия, следующая книга, снятый по ней фильм, рассказы, публицистика, вызвавшая бурные дискуссии...

И как больно ударила по сердцу внезапно наставшая для Вики пора гонений и травли! Обруганный самим Хрущевым на встрече с писателями, обсуждаемый и осуждаемый на всех уровнях в Киве, Вика переживал драматические дни...

В Москве и Киве у нас с ним было много общих друзей, от которых я узнавала о нем: Николай Дубов, семья Овручких, Паола Утевская, мои знакомые по Ирпеню, куда я ездила каждое лето, сообщения моих бывших учеников вроде Гриши Кипниса, ставшего литератором и другом Некрасова...

Что было потом? Потом пришло письмо от самого Виктора, письмо, написанное уже позднее, когда схлынула горячка хрущевской кампании, и Некрасова снова стали понемногу печатать. Видимо, я как-то отозвалась на его очерк о доме Булгаковых — и вот почта приносит конверт, надписанный его именем и широким, но не везде

4
1990/12/21
Некрасов В.

разборчивым почерком... Письмо датировано 29 октября 1967 года.

«Дорогая Ирина, никогда не думал, что мой рассказ так всколыхнет в людях прошлое, а вот получилось, — и это еще одно доказательство неувядаемости Булгакова. За границей он уже стал «бестселлером» (в Италии, например), у нас зачитывают до дыр журнал «Москва» и фотографируют старое «недринское» издание «Дьяволиады».

«Мастера и Маргариту» отдельным изданием, конечно, никогда не издадут. Хорошо хоть, что одновременно вышел и каким-то чудом проскочил роман «Белая гвардия», самая моя любимая вещь Булгакова.

Кстати, я, оказывается, с Николкой ошибся. Николка — это Николай Афанасьевич, профессор, недавно умерший в Париже.

А Ваня-балалаечник, увы, спился, и следы растаяли где-то в парижских кабаках. А как хорошо, чтобы нашлись люди, знавшие его. Говорят, что славный парень (парень ли — уже за 50) — и смертно тоскует, не прижился и во Франции. А насчет Афона ужасно интересно!

мен, откуда некогда пришел на Русь Максим Грек...

Когда я сообщила Виктору об этих слухах, он загорелся узнать у Елены Сергеевны Булгаковой, так ли это, — не знаю, исполнил ли он это намерение. Но я живо представила себе состояние затравленного, больного, горючего Булгакова, не чуждого глубоким мистическим основам, и готова допустить, что такое тайное путешествие на Афон могло как-то осуществиться...

Булгаков всем своим творческим обликом необычайно родствен Гоголю, он, можно сказать, и был Гоголем XX века. Все в Булгакове — от взлетов фантазии до горького смеха, от сарказма рассказов до горечи романов — берет свои истоки у Гоголя. И если автор «Вия» и «Литургии», спасая душу свою, предпринял паломничество в Иерусалим, то почему бы автору «Дьяволиады» и «Мастера и Маргариты» не отправиться к горе Афон?..

**ЕЛЕНА ТАЛЬБЕРГ
И ВАРВАРА КАРУМ**

В ту киевскую встречу, сидя с Викой Некрасовым за старинным поломанным столиком в бывшем папином кабинете,

делу (мы обязаны были знать устройство винтовки и пулемета «максим») быстро переоделись в розовые нарядные платья и бежали в Дом ученых...

Бал обычно открывался мажуркой, где в первой паре шел мой отец с прелестной чуть полноватой блондинкой, улыбавшейся во всю красоту своих блестящих ровных зубов. Это была Варвара Афанасьевна Карум, сестра Михаила Булгакова. В дверях зала застыла неподвижная фигура с неприятным лицом и военной выправкой — военный инженер Карум, муж Варвары Афанасьевны, ревниво следящий за женой.

С этой четы, вернее, с некоторых ее черт, написаны в «Днях Турбиных» Елена Тальберг и ее муж...

В середине тридцатых супруги Карум исчезли с нашего горизонта — по секрету мне кто-то сказал, что он арестован, а она сослана...

Оказавшись в 1936 году по воле своей замысловатой судьбы в Новосибирске, я неожиданно там встретила в гостях у моей знакомой Ольги Ивановны Дорошенко Варвару Афанасьевну: обе находились в ссылке. Всю эту историю Вик-

Поставим грог на стол.
Пусть девушки любовь дарят,
Беседой веселя,
Пусть светится любимый

взгляд

Огнями хрустала...

Особенно волнующе звучал куплет:

В ночи среди морозных выю
Кто в дверь стучится к нам?
И отчего немой испуг
На бледных лицах дам?

Миледи Смерть, мы просим

нас

За дверью подождать:
Нам будет Бетси петь сейчас,
И Дженни танцевать...

Откинув назад благородную голову, внимательно слушал романс мой отец, профессор Владимир Ильич Бошко. Колени его были прикрыты газетой: на концерт он пришел в старых рваных брюках — других у него не было. Но жилось, как мне помнится, весело, хотя «миледи Смерть» уже стояла у дверей многих из нас...

Виктор тоже ходил в те времена на концерты в своих матерчатых спортсменках и дешевой мятой рубашке.

притчу о Некрасове: его спросили, тоскует ли он о России, — о такой, какой она была в пору застоя... «Конечно, — ответил он, — но когда тоска становится совсем уже невыносимой, я покупаю в киоске номер «Правды», читаю ее — и всю ностальгию как рукой снимает». Печальная ирония! Он очень тосковал по Родине, писал в открытках лаконично, что по ночам ему снятся Коктебель и Днепр... Днепр — это Киев, где на старом Баковом кладбище погребена его мать Зинаида Николаевна, которую он нежно любил... А сыну выпало пожить в земле Парижа, где он впервые побывал с родителями-эмигрантами в раннем детстве, где играл в песочке Люксембургского сада с сыном Луначарского...

Должно быть, и в несправедливом изгнании душа его продолжала жить в родном городе...

В том городе, где майским цветом вспыхивали свечи каштанов, где в школьные годы я бежала, торопясь, по вымощенной булыжником Паньковской, а параллельно мне, по скверу на Кузнецкой, бежал в том же направлении Вика Некрасов. Мы

ИЛИ ВСТРЕЧИ С ВИКТОРОМ НЕКРАСОВЫМ

Надо расспросить у Елены Сергеевны и Надежды Афанасьевны, — которая и есть та милая старушка, о которой пишете Вы. А вот «василисина» дочка на меня в дикой обиде, написала письмо, обвиняет в клевете, в оскорблении ее и лишилась, мол, сна.

И стало мне вдруг жаль эту, по-видимому, не очень умную пожилую женщину. Ведь я, ей Богу, не хотел ее обидеть, а вот получилось обидно: «и нет у нас никакой «боженковской» мебели, все это вы выдумали, все это клевета, чтобы получить гонорар».

Вот так у нее все обернулось. Засим жму руку. Спасибо за память. Где вы и что? Черкните. Виктор Некрасов»...

«СО СВИДАНИЕМ!»

В один из моих летних приездов в Киев состоялась, наконец, наша с Виктором встреча. На той же Паньковской улице, в том же доме, где прошли мои довоенные детство, отрочество, юность, — там и поныне живет мой брат. Встреча на руинах прошлого, как сказала я Вике... «Со свиданием!» — весело промолвил Вика, доставая из кармана плаща винную бутылку. — Со свиданием!». Да уж, действительно — со свиданием — спустя сорок лет!

— «Так-то, Ирина, жизнь бежит...» — «Так-то, Вика, жизнь проходит...».

Мы пили белое вино, вспоминали Киев 20-х годов, горевали, что жизнь наша не ахти как счастливо сложилась.

Тут необходимо вернуться к одной фразе из письма Виктора: «А насчет Афона ужасно интересно».

Я писала Вике, что, по воспоминаниям одной актрисы МХАТа, с которой я была знакома (звали ее Анна Семеновна Вильямс, она была женой известного театрального художника Вильямса), в те, 40-е годы ходил слух, что незадолго до кончины, — году в 39-м или 40-м, Булгаков вдруг исчез из Москвы неизвестно куда... Она говорила сбивчиво, нервно. Я слушала, затаив дыхание. Слух был о том, что Михаил Афанасьевич уехал на гору Афон, в Грецию, и посетил там древний Афонский монастырь, средоточие православной культуры «афонских старцев», куда отправлялись паломничать деятели религиозной России с давних вре-

вспомнила я еще и о другом, что его живо заинтересовало. Это встреча в киевском Доме ученых, находившемся в старом двухэтажном особняке на углу Прорезной и Пушкинской. Здание это погибло во время войны.

В те далекие годы нашей молодости в Доме ученых по субботам бывали балы... Нет, они не были похожи на классические балы, описанные Боратынским и Толстым... Наши профессора тех лет жили более чем скромно и демократично. Старшее поколение танцевало традиционные балльные танцы — танцы их молодости, а мы, молодежь, увлекались бальными тогда в моде чарльстонами и вальсом-бостоном, танго... На вечерах мирно уживались танцы разных эпох, мы беспечно отплясывали свое и не думали, что скоро придет беда...

Студенческая молодежь — мои подруги Ната Левшина, Ира Паншина и я после вечерних субботних занятий по военному

тор Некрасов прослушал с горячим интересом: о судьбе Варвары Афанасьевны он тогда ничего не знал. А сейчас я знаю о ней лишь то, что после 56-го года она была реабилитирована и жила в Москве...

Ах, Киев, Киев начала тридцатых годов!.. Мы с отцом часто ходили в филармонию на концерты популярного тогда певца Доливо: он познакомил нашу публику с «Застольными» Бетховена — шотландской и ирландской. Своим приятным голосом он пел:

За окнами шумит метель
Роями белых пчел.
Друзья, запеним горький эль,

...Потом в разговоре он назвал имена Андрея Дмитриевича Сахарова и Александра Исавича Солженицына, сказал, что мы недооцениваем этих людей, воплотивших в себе нашу — всех, кто был честен и зряч, — совесть.

Больше таких встреч, таких долгих задушевных бесед с Виктором судьба мне не подарила — были только переключки через общих друзей.

У московской переводчицы Мариам Черневич часто я читала открытки, полученные от Виктора уже из Парижа. Писательница Елизавета Шидмарева рассказала мне грустно-веселую

встречались возле университета, бросали взгляд на большие круглые часы — «Эх, опаздываем!» — и вместе продолжали свой бег через Бибиковский бульвар, мимо величественного Владимирского собора, по Нестеровской, через Фундуклеевскую улицу к Святославской, где ждала нас наша общая школа — в доме № 6.

Пересекались, сходились и расходились наши стези-дорожки, над которыми витали образы и Анны Ахматовой, и Михаила Булгакова, и его семьи, а позднее — образы книг самого Виктора Некрасова и тени наших общих воспоминаний...

Виктор Некрасов и корреспондент «ЛГ» по Украине Г. Григорьев-Кипнис. 1959 г.

66